

Л. П. ГРУЗОВ (Йошкар-Ола)

СЛЕДЫ ФИННО-УГОРСКИХ АФФРИКАТ В ДИАЛЕКТАХ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

В финно-угроведении давно доказано, что в языке-основе существовали две аффрикаты: твердая $t\check{s}$ и мягкая $t\check{s}$.¹ Свое качество они сохранили в удмуртском, коми², хантыйском и некоторых других языках родственной системы. В ряде языков древние аффрикаты подверглись изменению, например, в начальном положении: $*t\check{s} >$ морд. $t\check{s}$ (иногда \check{s}), фин. h (иногда s), саам. c , венг. \check{s} , манс. \check{s} (иногда s); $*t\check{s} >$ морд. $t\check{s}$ (иногда s), фин. s , саам. \check{c} , венг. $t\check{s}$ или \check{s} , манс. $t\check{s}$ или \check{s} .³ Древние аффрикаты в диалектах марийского языка ведут себя неодинаково. Согласные эти сохраняются без изменения в говорах восточного наречия (калтасинском, бирском, мензелинском, кунгурском и др.), а также в речи жителей Б.-Паратского, Петъяльского сельсоветов Волжского района Марийской АССР, по всем остальным языковым признакам относящейся к волжскому говору лугового наречия. При этом следует отметить, что в указанных диалектах, в территориальном отношении далеких друг от друга, аффрикаты $t\check{s}$ и $t\check{s}$ проявляются в одних и тех же словах. Какуминальная аффриката $t\check{s}$, которая была впервые обнаружена А. Генецом и Х. Паасоненом, выступает в более чем 100 корневых словах типа: $t\check{s}aŋga$ 'закал', $t\check{s}ak$ 'близко', $t\check{s}oŋe\check{s}ta\check{s}$ 'летать', $t\check{s}oŋa\check{s}$ 'строить', $t\check{s}ia$ 'краска', $t\check{s}u\check{s}a\check{s}$ 'казаться', $t\check{s}\check{u}t\check{s}a\check{s}$ 'капать', $t\check{s}\check{u}t\check{s}\check{u}$ 'дядя', $\beta a\check{s}\check{e}$ 'плечо', $\check{s}o\check{s}\check{s}a\check{s}$ 'родиться', $ta\check{s}\check{e}$

¹ E. N. Setälä, Zur finnisch-ugrischen lautlehre. — FUF II 1902, стр. 219—280; H. Paasonen, Die finnisch-ugrischen s-laute. — JSFOu XLI 1918; Y. Wichmann, Zur geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden s- und č-laute im tscheremissischen. — FUF VI 1906; Zur geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden affrikaten. — FUF XI 1911, стр. 133—289; Y. H. Toivonen, Zur geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden affrikaten. — FUF XIX 1928, стр. 1—269; E. Moor, Die Ausbildung des ungarischen Konsonantismus. — ALHung. II 1952.

² В современном удмуртском и коми языках наличествуют четыре аффрикаты: *ч, тш, дз, дж*. См. Грамматика современного удмуртского языка, Ижевск 1962, стр. 25—26; Современный коми язык, Сыктывкар 1955, стр. 30—31. Соответствующие звонкие из них, очевидно, развились на почве древнепермского языка. В этом отношении вряд ли можно согласиться с мнением Ю. Вихмана, который в отличие от Э. Н. Сетяля и Х. Паасонена звонкие аффрикаты возводит к праязыковому периоду, см. Y. Wichmann, Zur geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden affrikaten, стр. 258—269.

³ Э. Н. Сетяля, указ. раб., стр. 248; Y. Wichmann, Zur geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden affrikaten, стр. 269; W. Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus. — Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis, series B. Linguistica 1, Stockholm 1952, стр. 39.

'сегодня', *peŋše* 'изгородь', *poŋškaš* 'вытряхивать', *pütškaš* 'резать', *onŋšaš* 'смотреть', *püntšö* 'сосна', *poŋš* 'хвост', *koŋš* 'ешь'.⁴

Палатальный согласный *tš* в них употребляется относительно часто, в качестве иллюстрации можно привести слова: *tšoma* 'жеребенок', *tšäbaš* 'капать', *tšäyältäš* 'щекотать', *tšära* 'лучина', *tšize* 'сосок', *ronŋšaš* 'разбирать', *puñŋsalaš* 'выжимать', *βätškäž* 'тонкий', *šintšaš* 'сидеть; знать', *onŋšätš* 'среди', *luðätš* 'ты читал', *koltäšätš* 'ты отпустил'.

В фонематическом отношении *tš* и *tš* представляют собой самостоятельные единицы, их употребление фонетически не ограничено. Встречаются даже квазиомонимы: *koŋša* 'горкнет' — *koŋša* 'дед', *tšie* 'надевай' — *tšie* 'вишня'.⁵

Следы финно-угорских аффрикат в определенной степени сохранились также в горном наречии, где **tš* (или связанному с ним какуминальному *tš* восточного диалекта) регулярно соответствует *tš*, являющийся по качеству средним между какуминальной и палатальной аффрикатами: *tšüktäš* 'зажигать', *tšiäš* 'надевать', *tšəŋgäš* 'клевать', *tšəmäs* 'натягивать', *taŋatšä* 'сегодня', *šatšaš* 'родиться', *ŋitšä* 'изгородь', *pätšaš* 'убить', *latšä* 'сидень, рахитик', *kätšä* 'горький', *jetšä* 'лыжи', *pätš* 'стебель, труба', *pätš* 'распили'; а на месте **tš* (соответственно восточного палатального *tš*) выступает *ts*: *tsaryäžaš* 'кричать, петь пронзительно-высоким голосом', *tsama* 'жеребенок', *tsəbäš* 'капать', *tsəyältäš* 'щекотать', *tsilä* 'все, весь', *tsərə* 'очень тонкий', *tsätsä* 'детская игрушка', *tsəpäk* 'ласточка', *tsolye* 'молния', *βätškäž* 'тонкий', *serməts* 'узда', *kətskäš* 'запрягать', *lokšäntsäš* 'тецать'.

В большинстве говоров лугового наречия **tš* и **tš* совпали в одной аффрикате *tš*, являющейся по своей артикуляции палатальной⁶, а в йошкар-олинском и северо-западном диалектах они дали *ts*.⁷ В настоящее время мы имеем в них соответственно последовательное однокачественное чоканье (в основных говорах лугового наречия) или же цоканье (в йошкар-олинском и северо-западном диалектах), за исключением некоторых заимствований из русского языка, проникших в эти диалекты в основном в последнее время (в первом случае, например, *tsirk*, *tsement*, *komsomolets*, *leñinets*; в цокающих говорах *tšaj*, *tšajnik*, *tšämadan* 'чемодан', *utšitäl*, *zaβutš*).

В родственных языках (опорными следует считать прежде всего коми и удмуртский) марийскому *tš* (горн. *tš*, луг. *tš*, палатальное по качеству, сев.-зап., йошк.-ол. *ts*) соответствует такая же какуминальная аффриката, или же в них мы имеем указанные выше следы фин-

⁴ A. Genetz, Ost-tscheremissische Sprachstudien. — JSFOu VII 1889; H. Raasonen, Tscheremissische Texte. Herausgegeben von Raavo Siro (= MSFOu LXXVIII), Helsinki 1939; его же, Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Raavo Siro, Helsinki 1948; В. М. Васильев, Записки по грамматике языка народа мари, Казань 1919, стр. 5.

⁵ В. М. Васильев, О внутренних законах развития марийского языка. — Ученые записки Марийского научно-исследовательского института, вып. V, Йошкар-Ола 1953, стр. 76.

⁶ Современный марийский язык. Фонетика, Йошкар-Ола 1960, стр. 88—89.

⁷ Д. Е. Казанцев, Фонетические особенности йошкар-олинского говора марийского языка. — Афтореф. дисс., Тарту 1965, стр. 16—17; И. Г. Иванов, Фонетика тоншаевского говора марийского языка. Автореф. дисс., Тарту 1965, стр. 14; Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола 1965, стр. 174, 179—180.

но-угорского *tʃ, например: вост. tʃütʃü, горн. tʃətʃə, луг. tʃüfʃü, сев.-зап. tsntsö 'дядя, младший брат матери' (ср. морд. tʃiitʃe, коми чож 'дядя', удм. чужмурт, саам. čæsse, см. Toivonen FUF XIX 88), вост. tʃünḡaš, горн. tʃəḡaš, сев.-зап. tsḡḡaš 'клевать' (ср. удм. чогыны, чоґданы, 'жалить, колоть', саам. соḡki- 'жалить, проколоть', фин. sonkia, эст. songima, см. Wichmann FUF VI 32), вост. peʃʃe, горн. piššə, луг. peʃʃe, сев.-зап. pitsə 'изгородь, прясло' (ср. коми пати, удм. пуч 'жердь', саам. bāsse, фин. piha, эст. pihe, см. Toivonen FUF XIX 80), вост. keʃʃe, горн. ketʃə, луг. keʃʃe, сев.-зап. ketsə 'солнце, день' (ср. коми кыту 'петля', удм. кыч, эрзя-морд. tʃi, мокша-морд. ši, фин. kehä, хант. kōtš, манс. kiš 'обод, кольцо', см. Toivonen FUF XIX 64; с этим словом связано: вост. taʃʃe, горн. taʃatʃə, луг. taʃʃe, сев.-зап. tātšə 'сегодня', состоящее из двух компонентов — указательного местоимения tā + keʃʃe, ср. также эрзя-морд. tetsi, tetshe, tsetʃe, мокша-морд. tātši 'сегодня', см. Майтинская 73), вост. paʃʃaš, горн. patʃaš (jataž), луг. paʃʃaš, сев.-зап. patsaš 'этаж, слой' (ср. манси piš, хант. piš, pišš, см. Toivonen FUF XIX 78), вост. noʃʃko, горн. natʃkə, луг. noʃʃko, сев.-зап. natskə 'сырой, мокрый' (ср. эрзя-морд. natʃko, мокша-морд. natʃkă, саам. njuoskas, njuoska, фин. nahkea, см. Toivonen FUF XIX 126), вост. күʃʃ, горн. kətʃ, луг. күʃʃ, сев.-зап. kʃts, 'ноготь, коготь, копыто' (ср. эрзя-морд. kēndʒe, мокша-морд. keñdžë, коми гыж, удм. гыжи, фин. kynsi, хант. kōntʃ, манс. күñš, саам. gazza, см. Toivonen FUF XIX 166). Автору известно около 50 подобных финно-угорских этимологий.

Таким образом, марийское tʃ в подавляющем большинстве случаев имеет параллели в родственных языках и исторически связано с аналогичным звуком периода финно-угорской общности. Правда, Э. Н. Сетяля в восточном диалекте марийского языка, подобно тому, как это иногда наблюдается в последствиях tʃ-звуков в саамском языке, в отдельных словах предполагает переход палатального tʃ в какуминальный.⁸ В частности, такое изменение произошло в слове tʃəβəstalaš 'ушипнуть' (Paasonen 155). О переходе в нем *tʃ > tʃ говорят не только данные опорных родственных языков (где на его месте наблюдается палатальное tʃ вместо обычного какуминального, ср. коми чепольт-, удм. чепыльт-), но о таком изменении свидетельствует также звуковой облик этого слова в горном наречии. Если восточному tʃ в горном диалекте обычно соответствует tʃ, то в данном случае мы имеем ts: tsəβeštāš. Вторичным следует считать аффрикату tʃ также в словах: peʃʃke 'кадка, бочонок', ср. горн. petškä; вост. pəʃʃal, горн. piššäl 'ружье' < русск. пицаль; вост. luʃʃo < русск. лучше. Sporadическое изменение аффрикат произошло также в тех словах, которые в самом восточном диалекте имеют факультативные варианты: tʃütʃskəddə — fšütʃskəddə 'густой' (Paasonen 154), tʃšüntʃa — fšüntʃa 'прыщик' (Paasonen 154), tʃšütsaltaš — fšütsaltaš 'капнуть' (там же), unʃšəlo — unʃšilo 'вниз головой' (Paasonen 163).

⁸ E. N. Setälä, Zur finnisch-ugrischen lautlehre. — FUF II 1902, стр. 246.

Палатальная аффриката *tš* марийского языка (горн. *ts*, луг. *tš*, сев.-зап., йошк.-ол. *ts*) в основном восходит к такому же по своему качеству звуку финно-угорского праязыка. В родственных языках мы имеем такие соответствия, как, например: вост., луг. *tšaryžzaš*, горн., сев.-зап. *tsaryžzaš* 'кричать, петь пронзительно-высоким голосом' (ср. коми *чурз* - 'визжать', удм. *чургет*-, морд. *šérgeđe* - 'вскрикнуть', саам. *čierrot*, хант. *čierrot*, см. Лыткин 183); вост., луг. *tšoma*, горн., сев.-зап. *tsama* 'жеребенок' (ср. коми *чань*, удм. *чуньы*, ? фин. *sonni* 'бык'; эст. *sõnn*, венг. *csina* 'жеребенок', см. Itkonen FUF XXXI, 163), вост., луг. *tšäyältaš*, горн., сев.-зап. *tsäyältaš* 'щекотать' (ср. саам. *čaggaldet*, *cokkoldet*, венг. *csikland*), Берецки с некоторым сомнением приводит еще эрзя-морд. *saŋgordo*-, мокша-морд. *savärdä* - 'чесаться' (см. Г. Берецки, Финно-угорские элементы в лексике марийского языка (Дисс.), Ленинград 1957, стр. 317); вост., луг. *tšära*, горн. *tsärä* 'очень тонкий' (ср. коми *чур* 'труха, мелкая крошка', удм. *чыры*, *чыри* 'мелкий, мелочь', фин. *siru*, *siro* 'осколок, крошка, кусочек, обломок', см. Gy. Lakó, A permi nyelvek szóvégi magánhangzói. — NyK XLVIII 1931—1934, стр. 452; М. Ряснен связывает это слово с тюркскими данными, см. M. Räsänen, Die tatarischen lehnwörter im tscheremissischen (= MSFOu XLVIII), Helsinki 1920, стр. 78); вост., луг. *tšolya* 'яркий', *tšolya šüdär* 'немеркнущая звезда', горн. *tsolye* 'молния' (ср. морд. *tšildor* : *tšildor molems* 'светиться, мерцать', удм. *чил'яны*, *чилекяны*, венг. *csillog*, см. Y. Wichmann, Zur geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden affrikaten, стр. 192).

В целом ряде случаев марийское *tš* (*ts*) исторически развилось из **t* под влиянием гласных переднего ряда (чаще всего **i*), например: луг. *tifš*, горн. *tsits* 'полный' (ср. фин. *täyte*-, хант. *tët*); луг. *šörmätš*, горн. *sermätš* 'узда' (ср. удм. *sermät*, *širmät*, коми *šermed*, манс. *šermät*); волж. *šütš* 'сажа' (ср. морд. *šed*, саам. *čaddä*, фин. *sysi* < **süti*). Подобное изменение обнаруживается в составе ряда суффиксов. Например, аблативно-элативный суффикс *-tš* (*-ts*) (*tššetš*, горн. *tišets* 'отсюда'; *jəmatš*, *lūbatš*, горн. *ləbäts* 'снизу') исторически связан с *t*-овым финно-угорским аблативным суффиксом.⁹ В составе сложного именного суффикса *-letš* (*joltašetletš* 'от твоего товарища') выступает тот же древний отделительный суффикс. По такому же принципу, очевидно, аффриката *tš* развилась в составе сложного показателя множественности *-šamätš* (*-šafš*, *-šamäts*, *-šats*).¹⁰ Аналогичное изменение отмечается в некоторых глагольных суффиксах, например, во 2-м лице I прошедшего времени: *koləštətš* 'ты слушал', *luđätš* 'ты читал', ср. фин. *tulit* 'ты пришел'.¹¹

Переход согласного *t* в аффрикату *tš* мог осуществиться только через

⁹ И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. I, Йошкар-Ола 1964, стр. 23—25, 53.

¹⁰ J. Szinyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin—Leipzig 1922, стр. 51—52; Д. В. Бубрих, Древнейшие числовые и падежные формы имени в финно-угорских языках. — Язык и мышление XI, Москва—Ленинград 1948, стр. 78—80; Н. Т. Пенгитов, Формы числа имен и особенности их употребления в марийском языке. — Труды Марийского научно-исследовательского института, вып. X, Йошкар-Ола 1957, стр. 89.

¹¹ И. С. Галкин, указ. раб., стр. 130; Б. А. Серебренников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва 1964, стр. 73—74, 101—105.

палатализацию, которая в каждом конкретном случае была вызвана качеством соседнего переднерядного гласного, ибо само смягчение в какой-то мере содержит в себе элемент аффрицированности. Что же касается вариантов с *ts*, то они появились уже следующим этапом в соответствии с общей закономерностью $*fš$ (или даже $*fš$) > *ts*.

Процесс и характер изменения домарийских (соответственно и прамарийских) аффрикат $*fš$ и $*fš$ в разных диалектах были неодинаковы. В основных говорах лугового диалекта произошло совпадение двух в определенной степени близких артикуляций. Такое изменение аффрикат могло произойти под влиянием чувашского языка. Булгарские заимствования в венгерском языке свидетельствуют о том, что в древнечувашском языке были две аффрикаты: $dž$ (< тюрк. $*j$) и $tš$ (< тюрк. $*č$). Первая в венгерском языке чаще всего передается *d* (*gy*) (венг. *gyalom*, татар. *džäläm*, *jäläm*, совр. чув. *çилём* > мар. *siläm* 'невод'; венг. *gyertya*, алт. *jarta*, совр. чув. *çурта* > мар. *sorta* 'свеча'), а вторая — $fš$ (*cs*) или иногда $š$ (*s*) (венг. *csabak*, ср. татар. *čabak*, совр. чув. *çynax* 'лещ'; венг. *sereg*, уйг. *čärik*, совр. чув. *çар* 'войско, армия', мар. *sar* 'война').¹²

Наличие двух аффрикат в древнем чувашском языке отмечает и М. Рясänen.¹³ Однако постепенно аффриката $dž$, восходящая к тюркскому $*j$, ослабляется, она подвергается спонантизации и переходит в $š$ (*ç*). Такому процессу в некоторых фонетических положениях подчиняется и *ч*.

Имеются полные основания полагать, что к началу чувашско-марийских языковых связей в чувашском языке была лишь одна аффриката $fš$. Чувашское $dž$ к тому времени полностью перешло в $š$ (*ç*)¹⁴, ибо в марийском языке при заимствовании в подавляющем большинстве случаев оно передается *s* или в диалектах малмыжского типа $š$ (мар. *señaš*, *šeñaš* 'победить' < чув. *çён*, татар. *jij*; мар. *soya*, *šoya* 'воротник' < чув. *çока*, татар. *jaka*). Вполне возможно, что наличие одной аффрикаты в чувашском языке и способствовало слиянию $*fš$ и $*fš$ в луговом диалекте марийского языка.

В горном наречии, как было отмечено, $*fš$ > *ts*, а $*fš$ > $tš$. При отсутствии древних письменных памятников трудно определить время изменения в нем прамарийских аффрикат. Косвенные доказательства, однако, имеются в заимствованиях. Как правило, в чувашских заимствованиях $fš$, восходящее к тюркскому согласному такого же качества или к $*t$, в восточных диалектах всегда передается равнозначным палатальным $fš$ (в них нет случаев передачи соответствующего звука чувашского языка какуминальным $tš$), а в горном наречии на его месте последовательно выступает *ts*, например: луг. *fšaŋa*, горн. *tsäŋgä*, 'галка' < чув. *чана*, *чанка*, татар. *čäükä*; *fšaraš*, горн. *tsäräš* 'останавливать, запрещать' < чув. *чар*, татар. *tyj*; *fšäβe*, горн. *tsäβä* 'курица' < чув. *чёнё* 'цыпленок', татар. *čebäš*; вост. *fšoyaš*, горн. *tsoyaš* 'оклеветать'.

¹² Z. Gombocz, Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache (= MSFOu XXX), Helsingfors 1912, стр. 180—182.

¹³ М. Рясänen, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, Москва 1955, стр. 156—160.

¹⁴ W. Radloff, Phonetik der nördlichen Türk-Sprachen, Leipzig 1922, стр. 145; М. Рясänen, Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen (= MSFOu XLVIII), Helsinki 1920, стр. 30—31.

тать' < чув. *чух* 'доносить', татар. *чак* (автору известно более 30 подобных случаев).¹⁵ В заимствованиях из татарского и русского языков во многих случаях мы имеем такие же соответствия, как и в словах, заимствованных из чувашского языка, например: вост. *tšara*, горн. *tsärä* 'голый' < татар. *čärä*; луг. *tšan*, горн. *tsaŋ* 'колокол' < татар. *čaŋ*, тур. *čan*; луг. *tšeßer*, горн. *tseßer* 'красивый, румяный' < татар. *čibär*, алт. *čäbär*; луг. *tšer*, горн. *tser* 'болезнь' < татар. *čir*, кирг. *čer*; луг. *tšetaš*, горн. *tsötäš* 'терпеть' < татар. *čyda*, кирг. *šyda*; луг. *tšarka*, горн. *tsärkä* < русск. *чарочка*; луг. *tšaška*, горн. *tsäškä* < русск. *чащка*; луг. *tšeret*, горн. *tserot* < русск. *череда, очередь*; луг. *tšerpät*, горн. *tserpet* < русск. *четверть*; луг. *tšudo*, горн. *tsüdü* < русск. *чудо*; луг. *pešsat*, горн. *petsät* < русск. *печать*; горн. *lötsenä* < русск. *лучина*; луг. *moššäla*, горн. *matsala* < русск. *мочало*. Однако в значительной группе слов, вошедших из татарского и русского языков, в горном наречии вместо ожидаемой формы с аффрикатой *ts* мы имеем *tš*, например: вост. *tšarša*, горн. *tšaršau* < татар. *čaršau* < перс.; луг. *tšetläk*, горн. *tšešläk, tšerläk* < татар. *čitläk*; луг. *tšöyät*, горн. *tšəyät* 'молоток' < татар. *čükäč* < перс.; горн. *tšuyun* < русск. *чугун*; горн. *mjätš* < русск. *мяч*; горн. *tšel'nik* < русск. *пчельник*; горн. *tšertäš* < русск. *чертить*; горн. *tšäpäñ* < русск. *чванливый*; горн. *tšutšok-tšutšok* < русск. *чуть-чуть*; горн. *kätšäjäš* < русск. *качать*.

Таким образом, заимствования из чувашского языка в горном наречии последовательно передаются через *ts*. Татарские и русские заимствования в этом отношении ведут себя двояко. В одной части слов мы имеем такое же отражение, как в чувашских заимствованиях или же в случаях с финно-угорским палатальным **tš*, т. е. выступает *ts*, но в другой группе в горном наречии обнаруживается *tš*. По-видимому, развитие явления частичного цоканья в горном наречии относится к процессам не очень давним. Оно охватило почти все заимствования из чувашского языка, а также часть слов, вошедших из татарского и русского языков. Процесс **tš > ts* в нем был завершен, очевидно, где-то в XVI—XVII веках (может быть, несколько позднее), ибо более поздние татарские и русские заимствования ведут себя в этом отношении иначе, в них *ts* уже не обнаруживается.

С другой стороны, мы имеем основание предполагать, что в период чувашско-марийского языкового взаимовлияния в горном диалекте какуминальное *tš* устойчиво сохраняло свое специфическое качество. По сравнению с современным состоянием оно было ближе к соответствующему *tš* восточного наречия.

Особый интерес представляет вопрос о возникновении на месте примарийских **tš* и **tš* одной аффрикаты *ts* в северо-западном и йошкар-олинском диалектах. Следует полагать, что процесс **tš, *tš > ts* в них произошёл не одним актом, а последовательно. По некоторым данным, развитие цоканья в указанных диалектах представляет собой общее с горным наречием явление, и происходило оно по тем же моделям, т. е. *ts* в них образовалось вначале в тех словах, в которых была палатальная аффриката. Это подтверждается тем, что представитель фин-

¹⁵ Лишь в единичных заимствованиях позднейшего типа в горном наречии иногда наблюдается *tš* (*tšärñ* 'быстро' < чув. **чён*, алт. *tin*), см. М. Ряснен, указ. раб., стр. 35.

но-угорского какуминального **tʃ*, например, в йошкар-олинском говоре совпал с *ts* относительно совсем недавно. Так, в первой Грамматике марийского языка 1775 года («Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка») наряду с цоканьем в целом ряде случаев отмечается *ч*, хотя по всем данным эта грамматика была составлена на материале йошкар-олинского говора. Об ее йошкар-олинской основе свидетельствуют: наличие *ц* в большинстве случаев на месте обычного *ч* лугового и восточного диалектов (*цыля* вместо *чыла* 'все', *церле* вместо *черле* 'больной', *цоя* вместо *чо́я* 'хитрый', *цыбе* вместо *чы́ве* 'курица', *царнемъ* вместо *чарнем* 'прекращаю'), в определенном круге слов оканье при аканье в других цокающих диалектах (*волгондцо* — горн., сев.-зап. *βalyǎntsǎs* 'молния'; *шоргенце* — горн., сев.-зап. *šarpen̄tsə* 'гнида'; *шобоцъ* — горн., сев.-зап. *sabǎts* 'платок'; *цонъ* — сев.-зап. *tsan* 'душа'), употребление *шамыцъ* в качестве показателя множественного числа и др.

Некоторые авторы (И. Буденц, Э. Беке, В. М. Васильев, Г. С. Патрушев), занимавшиеся изучением языка этой грамматики, признавали, что она базируется на луговом диалекте, но находили в ней и признаки других диалектов. В частности, Ало Раун в предисловии к указанной грамматике, переизданной в 1956 году в США, также обращает внимание на своеобразное употребление *ч*, имеющего некоторые общие черты с восточными диалектами, и заключает: «Язык грамматики не представляет собой какой-либо один «чистый» диалект. Он заимствует данные различных источников и в основном следует образцам восточного диалекта».¹⁶ С такой трактовкой автора по вышеуказанным причинам согласиться нельзя. Мы знаем, что материалом для составления грамматики послужил цокающий диалект, для восточного же наречия цоканье совершенно не характерно. С другой стороны, если признать, что автор грамматики 1775 года записывал материал параллельно и от информатора — представителя восточного диалекта, то такой строгой последовательности в смысле употребления *ч* и *ц* не должно было быть.¹⁷ Анализ же языкового материала грамматики показывает удивительную в этом отношении стройность. Аффриката *ц* обнаруживается в ней в 100 с лишним случаях, и он точно соответствует аналогичной же аффрикате горного диалекта (< **tʃ*) и палатальному *tʃ* восточного диалекта, например: *цыля* (стр. 43) 'все', *цалъ* (44) 'седой', *церле* (44) 'больной', *цыбе* (66) 'курица', *цыкма* (69) 'огород, сад', *цыра* (69) 'лучина', *цытежъ* (125) 'терплю', *цаманемъ* (137) 'жалю', *цогемъ* (128) 'довожу, доказываю', *цытыремъ* (131) 'дрожу', *вицъ* (46) 'пять', *шиндза* (58) 'глаз', *ширцыкъ* (65) 'скворец, сверчок', *мылецемъ* (48) 'у меня', *вицкыжъ* (45) 'тонкий', *шолюцъ* (24) 'твой младший брат', *шобоцъ* (70) 'платок', *шермецъ* (71) 'узда'.

Аффриката *ч* в грамматике встречается в 32 случаях: *кече* (32) 'день, солнце', *кечибалъ* (32) 'полдень', *мучашъ* (55) 'конец', *пичалъ* (56) 'ружье', *чючо* (57) 'дядя', *ваче* (58) 'плечо', *кючь* (59) 'ноготь, коготь', *пiбiбiжъ* (62), 'брусника', *пучумушъ* (63) 'каша', *пюндчжо* (64) 'сосна', *пачемешъ* (67) 'оса', *пючiб* (67) 'олень', *почъ* (68) 'хвост',

¹⁶ The First Cheremis Grammar (1775), Chicago 1956, стр. 17.

¹⁷ Указание на то, что в ряде слов в первом слоге пишется *и* вместо *ы* (*вицкыжъ* вместо *выцкыжъ* 'тонкий', *кинилашъ* вместо *кын'ылашъ* 'вставать', *кизит* вместо *кызыт* 'сейчас', *пидишъ* вместо *пыльишъ* 'ухо') не может служить аргументом для утверждения о нейошкар-олинской основе грамматики. Такая запись слов связана, по всей вероятности, лишь с графической передачей марийского гласного *ɨ*, значительно отличающегося от звука русского языка, обозначенного этим же знаком.

ключюжь (68) 'копыто', кудопиче (68) 'двор', кочкамъ (124) 'ем', ключемъ (124) 'прошу', кучемъ (124) 'держу', онджемъ (125) 'смотрю', чонгештемъ (125) 'лечу', чйялтемъ (125) 'крашу', чюктемъ (127) 'зажигаю', кечемъ (127) 'вишу', чимемъ (127) 'растягиваю', чидемъ (127) 'мешкаю, медлю', кичаламъ (128) 'ищу', кюнджемъ (130) 'копаю', вучемъ (131) 'жду', кучедаламъ (131) 'борюсь', чиемъ (131) 'одеваюсь', кочь (132) 'через', тенгече (133) 'вчера'. Во всех перечисленных словах *ч* соответствует горномарийскому *tš* (< *tš) и восточному *tš*. По всей вероятности, автор зафиксировал бытовавшую еще в тот период в йошкар-олинском говоре аффрикату *tš* (< *tš). Если так, то процесс *tš* (< *tš) > *ts* в данном диалекте (следует полагать, что это относится и к северо-западному наречию) произошел совсем недавно.

Таким образом, северо-западное и йошкар-олинское цоканье возникло постепенно из мягкого чоканья. Переход какуминального *tš* в *ts* произошел через палатализацию: сначала **tš* > *ts*, а затем **tš* > *tš* > *ts*.

Анализ междиалектных соответствий, данных родственных языков, заимствований и письменных памятников показывает, что аффрикаты марийского языка исторически связаны с соответствующими аффрикатами языка-основы. Финно-угорские **tš* и **tš* сохранили свое качество в некоторых говорах восточного наречия, в остальных же диалектах они подверглись тем или иным изменениям. Однако следы их обнаруживаются также в горном, луговом и северо-западном наречиях в виде двух разных согласных, отражающихся в современных звукосоответствиях, заимствованиях или же в письменных памятниках. Более раннему изменению начинает подвергаться прамарийская палатальная аффриката **tš*: в горном, северо-западном и йошкар-олинском диалектах она перешла в *ts*, но процесс такого изменения, по данным заимствований, прекратился не очень давно. Какуминальная аффриката **tš* оказалась более устойчивой, если в горном наречии **tš* > *ts*, то она сохранилась в нем в виде современного апикального *tš*; следует полагать, что **tš* совсем недавно бытовала также в йошкар-олинском и северо-западном диалектах, по-видимому, **tš* > *tš* > *ts* в них после XVIII века.

Причиной развития одного *tš* на месте **tš* и **tš* в луговом диалекте могло быть влияние чувашского языка, а цоканье полное в йошкар-олинском и северо-западном диалектах (или частичное в горном наречии), по-видимому, развилось под влиянием какого-то другого источника, располагавшегося в территориальном отношении западнее носителей марийского языка¹⁸, если, конечно, возникновение его не является результатом спонтанного изменения аффрикат в самих диалектах марийского языка.

¹⁸ Л. П. Грузов, указ. раб., стр. 186—189.

Сокращения

Лыткин — В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964; **Майтинская** — К. Е. Майтинская, Местоимения в мордовских и марийских языках, Москва 1964; **Itkonen FUF XXXI** — E. Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI 1953—1954; **Paasonen** — H. Paasonen, Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro, Helsinki 1948; **Toivonen FUF XIX** — Y. H. Toivonen, Zur geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden affrikaten. — FUF XIX 1928; **Wichmann FUF VI** — Y. Wichmann, Zur geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden s- und č-laute im tscheremissischen. — FUF VI 1906.

L. P. GRUZOV (Joškar-Ola)

ДИАЛЕКТЫ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

ДIE SPUREN DER FINNISCH-UGRISCHEN AFFRIKATEN IN DEN DIALEKTEN DER MARISCHEN SPRACHE

Die Analyse der marischen Dialekte, der verwandten Sprachen, der Entlehnungen und Schriftdenkmäler zeigt, daß sich die Spuren der finnisch-ugrischen Affrikaten **tš*, **tṣ̌* fast in allen Dialekten der marischen Sprache erhalten haben. Die ursprüngliche Qualität erhielten diese Phoneme in einigen Mundarten des Ostdialekts; im Bergdialekt **tṣ̌* > *tš*, **tṣ̌* > *ts*; in den meisten Mundarten des Wiesendialekts fielen sie in einem *tṣ̌* und in dem Joškar-Olaer und nordwestlichen Dialekt in einem *ts* zusammen.